

Фото

Е. Ж.

Под вечер, когда луна вползает в разъятый зрачок
и становится там бельмом (тот же полароид),
и когда от случайной мысли о смерти в зубу горячо,
и подобная мысль вообще — что твой астероид;
когда в облокотившихся на подоконник потемках
вспыхивает обручалка чашки с круглым байкалом
кофе, и стенки чашки в лунных подтеках, —
тогда рука и находит, что весь вечер искала:
твою фотографию на хорошей бумаге, без глянца,
где ты, среди анонимной листвы и в пальто пригожем,
смотришь поверх судьбы и веток, что оголяются,
мимо того, кто снимал, мимо меня и мимо прохожих.
Может быть, лет через сто докучливый правнук
с любознательностью телескопа, глядящего на Венеру,
откроет альбом и там, среди рожиз былых, потому —
равноправных,
отыщет твое лицо, словно в нашу провалится эру.
Он уже не то что ландшафт, он себя не узнает
в предках не столь далеких, как хочет сказать бумага
своей желтизной, точь-в-точь листва нарезная...
В твоих глазах соХРАнилась осени сень и влага.

Суббота

У окна — для твоих же очей — я повесил ничей
Затемненный пейзаж, где река утекает в закат.
Нет, не столь велика, а точнее — какой-то ручей,
И ветла у воды, как прощальная чья-то рука.

И на фото, где нас с тобой нет и не будет уже —
Эти линии, лилии эти на бледном пруду,

Словно бельма; а далее — лето стоит в неглиже...
Это там, где тебя и меня никогда не найдут.

Потому что я выдумал, волю словам дав, тебя,
А себя срисовал с отраженья в осеннем окне,
Где, как маятник, движется дождь, тишину теребя,
И цветочным она наполняется ядом вовне.

Не печалуйся. Листья падут, как последний редут.
И пейзаж, облетев, ни за "да" не сойдет, ни за "нет"...
Это дни нашей жизни нечеткие фото крадут.
И высасывают. Как цыкуну, остаточный свет.

Зимняя самба

Завитой переулком в долгом взгляде кота
Удлиняется, и сплелись в миллион номера.
Облака теребя, остывает зимы нагота,
Будто скомкана пальцами простынь при слове "пора".

Эти лапы и морду упрячу в потемки пальто,
И хвостом он нашарит — где бьется; теперь мы вдвоем.
Беспощадные площади с юга завьюжат, зато
Не узнает никто — от кого кругаля мы даем.

Я у осени стрельнул с три короба, чтобы теперь
Не заботиться о тишине, как о прерванном сне.
Запираю на три оборота обрюзгшую дверь,
И не ной мне, попив молока, о дурацкой весне.

* * *

Смерти, боюсь, не бывает, В разохшийся дом
Входишь на цыпочках, чтоб не скрипела душа.
Просто живи. Что, в итоге, выходит с трудом.
Просто не слушай, в тени затаясь, чуть дыша.

Летние сумерки мнительны. Медлит зрачок.
Кто-то ходил здесь, вдыхая и тлен, и забвеньё
Этих убогих предметов...Постой, дурачок:
Дача, тень сада... Но взгляда разрушены звенья.

Память корыстна. Беспамятство просит взаимы.
Жизнь происходит, рождаются дети и мрут,
В Лимб отправляясь, и тихо выходит из тьмы
Тот, кто нас сводит туда... Да, за нами запрут.

Рай идиотов не лучше, чем рай в тех краях,
Где обитаешь, себя почитая и Бога.
Сны, вот, приходят всегдашние, на костылях,
Хромо приходят, убого приходят. Убого.

Зеркало

Вот в зеркале, с фаянсовой улыбкой
(запястье, локон, выразимо гибкий
бриллианта в броши проблеск), там, внутри,
за амальгамой, та или иная,
сказала отраженью — "Посмотри!" —
оно и впрямь глядит, припоминая...

И заодно — меня. Я тоже там,
где места вдоволь, и дымит "житан"
меж пальцев, и виньетки вьет листам
под ветром, точно танец живота
сад исполняет, полон внешних сил
и внешних раздражителей: то птица,
то ветер... Только кто его просил,
чтоб обрамлял он вчуже наши лица?

За скобками двух складочек у рта
(ошую — брошь, запястье — одесную
мое, с кольцом, твоим подарком), та —
та ты, какой бываешь лишь весною,

когда летят веснушки врассыпную,
и ты даешь под липой ли, сосною,
с несносным "но", в котором ни черта
нет от отказа... Где же та черта,

то зеркало, то ТЕНИ НЕТ, когда
прозрачнее зеркальная слюда?
Года нас разведут и города,
а дорог каждый миг, пока он дышит
чрез эти поры, пусть и до поры...
Там крестиком закат грачиный вышит,
рисунок повторится иногда
и с нами улетит в тартарары.
В подвал упавший лист с покатою крыши,
прощальное, уже немое "да".

Там, в зеркале, сгустился сад в цикадах
и светляках, что кошкины глаза.
И в адовых глазах на променадах
(в руке — рука) то искры, то слеза
(я о тебе чего-то не сказал,
и не скажу уже). Живи. Так надо.

Который год, зажав себя в горсти,
породистую память, точно клянчу
гоняя все, все же я не клянчу
надежду — отраженья соскрести
с бесстрастного зеркального овала:
ты навсегда его нарисовала.

Поставим точку и передохнем
в промозглом промежутке между сном
и жутким пробуждением ото сна:
все та же в зеркале-окне твоя весна,
где кошки лижут лужи водоем,
себя уже не узнавая в нем...
Теперь (год, месяц, подпись) мы заснем.

Ан-этичная жалоба

Катера распроданы, женщины алчны. Грустно
В книжный зайти магазин, даже с деньгами,
Ибо и там, увы, нет моих сочинений.
То же, что в голове, давно я сам себе продал,
Сам себя обмишурил и позабыв об этом.
Милая, у поэта взяли б купили поэта.
Ему очень нудно, ему хочется выпить с Вами.
Если же он приставать начнет, — не гоните:
Он ведь — один, а у Вас — Себя в избытке,
Нет, не телосложение, — другое, другое!
Что ж, угостили вином, досугом и телом,
Сунули на расходы, целуя... На том спасибо.
Ведь катера распроданы, женщины алчны...

Сумеречки

Зимняя даль. Миндального цвета закат
За индевющей корхой: консерваторки
Стали подковкой и курят: сумерек створки
Раскрыты, как устрица, воздух йодом богат.
В грустном киоске скучает мадам Бовари,
Смотрит лукаво и каву холодную пьет...
Вот запустить бы сей ролик наоборот —
И попятится задом денек наперед:
Не переедет собаку велосипедист,
Я не пошлю тебя к матушке горевать,
Будет — в отсутствие тел наших — гладкой кровать,
И не повесится с горя в Твери онанист.
Так, отмотавши назад еще пару лет,
Вспомню таврический сумрак и блеск не твоих
Глаз, либо алчную чайку, одну на двоих,
Шелест листвы, все равно — бузина, бересклет...
Зимняя засуха в небе. Под небом слова
Не составляемы в связные фразы, увы.
Снова болит, и болит, и болит голова...
И в вышине облака, точно всадники без головы.

К Ю...

Чтобы и впрямь кого-нибудь любить,
Попробуй-ка его возненавидеть,
Со всеми недомолвками и алиби,
И в грязных снах, и в самом чистом виде.

Сказав: "люблю", ты парус кораблю
Подъемлешь, но куда ж нам плыть, ей-богу?
В дороге — смена спутниц, мыслей, блюд,
И блуд, как Робин Гуд, закрыл дорогу.

И эта неуверенность с тоской,
И все-то пред глазами лихо пляшут...
И кажется — за гробовой доской
Я буду доедать все ту же кашу

Из мимошедших встреч и их предтеч,
И вновь не разгляжу или обижу...
Я Вас любил. Теперь же — ненавижу,
Особенно глаза и млечность плеч.

Непросто ненавидеть человека
За то, что он хотел с тобою быть...
Седеет волос, дергается веко
И снятся счастьем полные гробы.

Благоухает жизнь, твердит устами
Ее, тобою взятой напрокат...
"Поспим, — ответишь ты, — мы так устали".
Да и заснешь ногами на закат.

И лишь во сне, нащупывая робко
Костыль надежды, хром и неказист,
Ты из бутылки вылетаешь пробкой
Навстречу ей, как гибкий гимназист.

Но что-то вдруг разбудит иноверца,
И скрипнет дверца, и встать пора...
Надежда дотянула до утра
И разлетелась на куски, как сердце.

Петербург, 1991

Горельефы, барельефы, яхты, катера...
Дрожь отражений болтливых, зубная боль.
Арка моста над рекой, как черная дыра.
Привиденья Белой ночи плавны, словно моль.
Никогда я не буду здесь жить, и не хочу!
Я барочный клоповник этот видал в гробу:
Ах, бурлескные буффоны царьгородских чуд —
В Белой ночи женщин томных темное "бу-бу".
Этот климат им — что климакс: язвенно бледны
И приглашены, точно известь, без названия, чьи
Очи, словно мох лиловый в углах стены...
И над кирхой, с виду крохкой, харкают грачи.
Балтика не выдаст взору телеса ундин.
(Крейсер, как Лариса Рейснер, анонимно сер.)
Вдоль гробов и колоколен, новый Насреддин, —
Все хожу, как по европам поц из СССР.
Запах Клодтовой конюшни, Невской лавры звон.
На многокубовый Петропавлов шприц "присев",
Небо невероятно венозно со всех сторон,
И, как синяк, Исакий растекся в своей красе.
Никогда я не буду здесь жить или умирать.
Мне в томоновом болоте Росси — не роса.
Отпускаешь, Бога ради? Выкину тетрадь,
Где телефоны, расходы, стихи, адреса.

Одесса. Променад

Дождливый бульвар нараспашку. Монада в плаще
Скульптурно глядит то под ноги, то на тебя,
Которого вроде и нет здесь вообще,
Но все-таки есть; и кошки весну теребят
Шершавыми позывными; туманный рейд,
Как опухоль, рассосался — из глаз долой,
И только маяк, нелюдим и анахорет,
Кого-то зовет, то из дому, а то и домой.

И чтоб убедиться, что сумерки, и что ты
Далеко, и что коньяк не сделался хуже,
Чем настроенье, я вышел: повсюду — просты
И необозримы, как тупость людская — лужи.
Листва, фасады, птицы, брючины взмах —
Все, отразившись, — дурной спиритический транс,
Либо заплыв на рябых и мелких волнах...
И влажный гудрон мерцает, как старый фаянс.

Чтоб убедиться, что жизнь — это сумма потерь,
Я позвонил тебе, я потерял платок,
Я не напился, что было бы кстати теперь,
И я не держу твою тень под локоток.
Вечер брезгливой и ломкой походкой идет.
Широковатая в бедрах монада просит огня.
Словно маяк-ревун, кот поет, идиот...
Кажется, это все, что есть у меня.

